

ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ САКРАЛЬНОГО ТЕКСТА

А.В. Арапов

Воронежский государственный университет, Воронеж

А.В. Ковтун

Тверской государственный университет, Тверь

В статье рассматривается специфика и разновидности смыслов библейских книг. С помощью синтеза уже устоявшейся библиологической терминологии и существующей лингвистической теории смысла делается попытка объединить научные и религиозные представления о возможностях интерпретации сакрального текста.

Ключевые слова: дихотомия «смысл/значение», типология смыслов, сакральный текст, Библия, интерпретация.

Прежде чем перейти к описанию того, как возможно выделение *типологии смыслов* сакрального текста, вспомним, что понятие *смысл* в лингвистике так до конца и не определено.

Для одних языковедов это «то содержание (значение), которое слово (выражение, оборот речи и т. п.) получает в данном контексте употребления, в данной конкретной речевой ситуации (ситуации общения); ситуация общения, называемая также контекстом ситуации, противопоставляется лингвистическому контексту, непосредственному языковому окружению слова, которое во многих случаях не выполняет достаточно определенной дифференциальной функции» [2: 434].

Другие лингвисты предлагают не одно, а целых три определения *смысла*: «1) Конкретная информация (логическая, эмоциональная, эстетическая и иная), выраженная речью и при её участии сформулированная в сознании человека. 2) Преобразованная в сознании читателя текстовая информация. Исследователи выделяют: а) поверхностный смысл текста, соотнося его с усвоением языковой информации; б) глубинный смысл текста, связанный с постижением всех элементов структуры текста в их взаимосвязи с фоновыми знаниями (пресуппозицией) и информационным тезаурусом коммуникантов (их знанием о мире вообще). 3) Субъективное отражение содержательного плана текста в сознании адресата на основе его информационного тезауруса и ценностных ориентиров. Смысл текста может быть шире и объемнее, чем его семантика, из-за субъективных и объективных факторов» [7: 348].

Заметим также, что авторитетнейший «Лингвистический энциклопедический словарь» под ред. В.Н. Ярцевой [11] вообще избегает каких-либо конкретных определений, и словарная статья с заголовком «Смысл» в нём отсутствует.

Исходя из вышеприведённого, мы должны различать *смысл*¹ (результат самовыражения и творческой деятельности *продюцента* текста) и *смысл*² (следствие применения интерпретативных способностей его *реципиента*).

В идеале, оба вида смысла – *авторский* и *читательский* – должны **максимально совпасть** друг с другом, что возможно в результате адекватного применения техник реконструкции авторской интенции, представленной в тексте в виде взаимодействия между собой отдельных значений, опредмеченных с помощью элементов различных уровней языка, а также паралингвистических и экстралингвистических особенностей употребления последних.

Примечательно, что в библиологии – комплексной богословской науке по изучению Библии, с интерпретации которой, собственно говоря, и началась деятельность по истолкованию смысловой структуры сакральных текстов, – даётся несколько упрощенное понимание смысла: «Под смыслом Священного Писания понимают в данном случае мысль (идею) священного автора (нужно одновременно подразумевать здесь и Автора с большой буквы, то есть Духа Святого), будет ли она заключаться в обычном интеллектуальном представлении или понятии или выражаться посредством образов, действий, слов в известной внешней форме» [5: 87].

Как мы полагаем, это происходит по причине неразличения в богословской литературе понятий «смысл» и «значение». В свою очередь, в рамках данной работы мы предлагаем разграничить эти два понятия (см. Таблица 1).

Таблица 1 – Различия смыслов и значений (применительно к религиозной литературе)

№ п/п	Смыслы	Значения
1.	Отражают специфику религиозной картины мира, представляют собой ее элементы.	Связаны с особенностями национальной языковой системы и ее подсистем (субъязыков и стилей), оказывают влияние на развитие религиозной картины мира и религиозной культуры.
2.	Служат основой для формирования религиозных и культурных понятий.	Служат основой для формирования сакральных смыслов.
3.	При интерпретации внутри одного языка и переводе на другие языки необходимы комментарии.	Имеют адекватные соответствия в других языках.
4.	Воплощаются в отдельных компонентах семантической структуры слова (к ним относятся лексические и грамматические значения), а также экстра- и паралингвистические характеристики текста.	Можно разложить на отдельные компоненты значения (архисему и семы).

Данное различие позволяет лучше понять, что *смысл* текста – это один из базовых его элементов, в результате понимания и интерпретации которого оказывается возможным воссоздать ход мысли автора, его творческие задачи и интенцию. По сути, смысл не может быть напрямую соотнесен с какими-либо конкретными единицами языка, в своей совокупности образующими иерархию языковых форм, чем и отличается от значения.

Применительно к *сакральному тексту* уместно, на наш взгляд, говорить о представленных в нём, наряду с повседневными, *сакральных смыслах*, которые, по сути, и определяют его специфику и являются предметом изучения в библиологии. Рассмотрим смысловую структуру текстов Священного Писания.

* * *

В христианской герменевтике, основанной на древней святоотеческой традиции, выработана *типология смыслов библейского текста*, основными видами которых принято считать *буквальный, аллегорический* (по другой терминологии – *догматический*), *нравственный* (или *тропологический*) и *анагогический* (иначе – *эсхатологический*) смыслы [12: 24–26]. Вот каково их традиционное объяснение: «1. Буквальный смысл, который обнаруживается при прямом, дословном понимании текста. Он относится к историческим событиям, описанным в Библии. 2. Аллегорический смысл – это догматическое учение, которое в неявном виде содержится в определенных местах Писания. Аллегорический смысл усматривается в тех местах, которые являются неясными, либо дословный смысл которых является, по богословским соображениям, неприемлемым для читателей. 3. Тропологический или нравственный смысл дает нравственное руководство, правила христианского поведения. 4. Анагогический смысл дает основание для христианской надежды, он указывает на будущее исполнение Божественных обещаний в Новом Иерусалиме» [1: 77].

В качестве примера приведём образ Иерусалима, интерпретируемого в святоотеческой литературе (например, в сочинениях Иоанна Кассиана, жившего в V в.) как реально существующий город (*буквальный смысл*), как собор верующих, т.е. Церковь (*аллегорический смысл*), как христианская душа (*нравственный смысл*) и, наконец, как Небесный Иерусалим (*анагогически-эсхатологический смысл*).

По своему происхождению эта «квадрига смыслов Писания» [6: 100] восходит к иудейской герменевтической традиции, где впервые было сформулировано представление о четырех смыслах Библии: *пшат* – буквальное значение; *ремез* – философско-аллегорическое истолкование, намек на другие возможные смыслы; *драш* – гомилетическое или агадическое толкование, дополнение текста «подразумеваемыми», но неназванными деталями и разъяснение его богословского смысла; *сод* — тайное, мистическое понимание [6: 99].

Данной типологией в дальнейшем пользовались многие видные богословы (например, Фома Аквинский); также она была положена в основу толкований светских художественных текстов: в частности, образ Беатриче в «Божественной комедии» Данте содержит несколько смысловых «слоёв» – «а)

Священная Теология, б) конкретная женщина, общение с которой приносит внутренний мистический опыт, и, наконец, с) тайная организация гиббелинов, ставящая задачу восстановления Римской Империи» [1: 85].

Впрочем, не все герменевты говорили о четырёх смыслах. Так, Иоанн Златоуст и Ориген выделяют три смысла: телесный, душевный и духовный, а Дж. Саванарола – шесть: буквальный, духовный, аллегорический применительно к Ветхому Завету и применительно к Новому Завету, нравственный и анагогический.

Вместе с тем, важно отметить, что сакральные тексты могут читаться и интерпретироваться не только богословами, но и обычными людьми, среди которых особое место занимают студенты-гуманитарии, и в первую очередь – филологи и историки. Специфика использования Священного Писания в образовательной деятельности такова, что обучающиеся учатся работать с ним как с письменным источником, выполнять филологический анализ и филолого-герменевтическую интерпретацию его фрагментов [3]. Соответственно, необходимо адаптировать имеющуюся экзегетическую теорию таким образом, чтобы обеспечить адекватное понимание сакральных текстов непрофессионалами.

Для сближения научных и религиозных представлений о возможностях интерпретации сакрального текста мы собираемся переосмыслить богословское терминологическое обозначение «слоёв» смысловой структуры сакральных текстов. Так, нам представляется, что распространённое в лингвистике понятие «скрытые смыслы» [13: 4] (у других авторов они названы «неявными» или «глубинными» [10: 42]) вполне можно считать коррелятом термина «духовные смыслы», поскольку и то, и другое обозначение особенностей авторского мировидения, явленных в тексте, связано с наличием у читателя как специальной подготовки, так и соответствующего опыта, который «растёт и углубляется по мере осваивания содержания авторского замысла и использования на практике того педагогического потенциала, которым эти тексты наполнены» [9: 74].

В результате, мы предлагаем следующую классификацию смыслов сакральных текстов (см. Таблица 2), которая основывается на гипотетической реконструкции интерпретативных способностей возможных читателей Библии.

Таблица 2 – Типология смыслов сакральных текстов

№ п/п	Наименование	Краткая характеристика
1.	Повседневные, буквальные или поверхностные смыслы (у Иоанна Златоуста, Оригена и некоторых других церковных писателей они именуется как «телесные»).	Усматриваются реципиентами, не имеющими соответствующей подготовки и образования и потому воспринимающих наиболее очевидные авторские установки (это уровень понимания сакрального текста связан с деятельностью так называемых «неофитов», «новоначальных»).

2.	Культурно-исторические, или внутренние, смыслы (по златоустовско-оригеновской классификации – «душевные»).	Связаны с деятельностью реципиентов, получающих (получивших) соответствующую подготовку и владение знаниями содержания текста, которых в количественном отношении больше, чем на предыдущем уровне (это уровень понимания текста людьми, на религиозном языке называемыми «воцерковляющимися»).
3.	Сакральные, или глубинные, смыслы (по терминологии Златоуста и Оригена – «духовные»).	Связаны с деятельностью реципиентов, которые получили соответствующее образование и находятся на качественно ином уровне понимания авторской идеи, а также активно использующих приобретенные знания, умения и навыки в собственной деятельности и в различных жизненных ситуациях (уровень понимания текста так называемыми «воцерковленными» людьми, которые, в частности, сами могут заниматься педагогической деятельностью).

Проиллюстрируем различия между данными типами смыслов сакральных текстов с помощью ряда примеров, почерпнутых из собственной преподавательской практики.

Так, знаменитые «Заповеди блаженства» (Мф. 5:3–12 и Лк. 6:20–23) – один из основных элементов христианской этики – начинаются с фразы, которая в Синодальном переводе звучит как «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5:3; Лк. 6:20). Как известно, данный перевод Священного Писания на русский язык был выполнен еще в 1876 году; однако он до сих пор используется в качестве авторитетной версии многими православными верующими в домашнем обиходе и некоторыми протестантскими объединениями (например, баптистами) при богослужении.

Повседневный (или *поверхностный* – в соответствии с нашей терминологией) смысл, который заключен в данной фразе, обычно бывает передан реципиентами следующим образом: «В рай попадут те, кто были нищие (вариант: «бедные») духом». Так или примерно так отвечают на вопрос: «О чем здесь говорится? Как понять смысл этих слов?» люди, у которых отсутствуют соответствующие языковые и фоновые знания: к данной категории относятся, например, студенты первого курса филологического факультета, начинающие посещать занятия по древнегреческому языку.

При более глубоком прочтении данного отрывка мы можем добиться понимания обучающимися *культурно-исторического*, или *внутреннего*, смысла.

Например, студенты, уже обладающие некоторой филологической компетенцией (в частности, при наличии у них определенных знаний в области грамматики и семантики соответствующих языков, а также некоторых экстралингвистической информации, почерпнутой из истории и литературоведения), обращают внимание на специфическое словоупотребление лексемы «блаженны». Одним приходит на ум наименование одного из видов христианской святости (типа «Блаженные – это юродивые»); другие припоминают строку из стихотворения классического русского поэта XIX века Ф.И. Тютчева «Цицерон»: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Некоторые в данной ситуации припоминают, что в современном русском языке имеется синоним слова «блаженный» – лексема «счастливый». Не исключено, что именно они предложат понять данную часть как: «Счастливы нищие духом...».

(О правомочности такой замены мы скажем чуть ниже, а пока добавим, что ещё одна часть данного высказывания нуждается в более глубоком истолковании: речь идет об идиоме «нищие духом», которая нередко остается без перевода на современный русский язык.)

Как мы уже замечали, специфической особенностью *сакрального* (*глубинного*) смысла сакральных текстов является то обстоятельство, что он проявляется не в «количественном», а «качественном приращении» читательского опыта его реципиентов. Следовательно, адекватная интерпретация смыслов отдельного слова, словосочетания, фразы и текста Библии в целом зависит от того, каков уровень духовного развития человека, постигающего содержание Божественного Откровения. Соответственно, любой человек (не обязательно филолог, имеющий полное/частичное гуманитарное образование), стремящийся вести духовный образ жизни, потенциально способен постичь глубину смысловой структуры сакрального текста.

В таком случае модернизация («осовременивание») и русификация «официального языка» Русской Православной церкви, каковым является *церковнославянский*, достаточно сложны – а в ряде случаев они попросту невозможны! – по причине того, что последний является не просто стилистической модификацией современного русского языка, но *сакральным субъязыком*, который наделен особым статусом и обладает специфическими элементами, несущими определенную смысловую нагрузку.

Соответственно, не во всех случаях можно подобрать полный и адекватный эквивалент церковнославянским словам и выражениям (особенно когда речь идет о сфере сакрального). Например, «десница Божия» – это не только и не столько «правая рука Бога», но и метафорическое обозначение мощи, силы (ср. также наименование всего, что является «правым», т.е. «правильным», «истинным», «верным»).

В нашем случае, лексемы «счастливый» и «блаженный» – такие же совершенно разные слова, как «счастье» и «благо», к которым этимологически

они восходят. Если лексемы «счастливый» и «счастье» имеют общее «языческое» значение (речь идёт о везении, удаче, земном благополучии), то лексемы «блаженный» и «благо» имеют совсем другое – едва ли не противоположное – значение (в них отражено всё, что связано с благоволением Бога, Его особым покровительством) [8: 40].

Более того, применительно как к данному отрывку, так и к другим «трудным местам» Священного Писания иногда нужно дать хороший, качественный комментарий, который бы опирался не столько на языковые компетенции и хорошие познания в истории религии, сколько на святоотеческие толкования, ибо труды христианских богословов более всего направлены на раскрытие как раз глубинного смысла Библии.

В данном случае нам представляется уместным привести здесь высказывания по поводу того, кого нужно считать «нищими духом», выдающихся раннесредневековых экзегетов IV-V вв. Илария Пиктавийского и Хроматия Аквилейского. Первый подчёркивает, что это люди, «живущие в смирении, .. [у которых] нет ничего, что было бы его собственным, но всем по дару одного Отца даны одинаковые возможности и условия для прихода в жизнь, а также средства, чтобы пользоваться ими» [4: 101]. Для второго важно, что далеко не всех бедных (нищих) можно назвать блаженными, ибо многие из них, будучи, говоря современным языком, «материально малообеспеченными», «не оставили грехи и чужды вере в Бога» [4: 102]. Соответственно, «блаженны те, кто, презрев богатства мира и отвергнув мирское имущество, чтобы стать богатыми в Боге, захотели стать бедными в мире. Хотя миру они кажутся бедными, но для Бога они богаты; они терпят нужду в мире, но богаты для Христа» [4: 102].

Рассмотрим другой пример.

Евангелие от Иоанна по-церковнославянски начинается с фразы: «Въ нача́лѣ бѣ́ сло́во, ѿ сло́во бѣ́ къ бѣ́ꙋ, ѿ бѣ́ꙋ бѣ́ сло́во» (Ин. 1:1). По-русски она переводится следующим образом: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

1. Истолкование данного отрывка, которое могут дать люди, которые впервые прочитали данный фрагмент «Евангельского Пролога» и у которых отсутствуют необходимые знания, может принять следующий вид: «Автор текста хотел сказать, что «в начале» был Бог» или «Бог является Творцом мира, Создателем всего существующего». (Характерно, что в церковнославянском языке слово «Бог» пишется с маленькой буквы и с титлом (т.е. «бѣ́ꙋ»); если же титла нет («бо́ꙋ»), речь идет о языческом божестве, идоле.)

Подобная интерпретация вполне может послужить примером повседневного понимания сакрального текста.

2. Ненамного больше для уяснения авторской идеи дает расширенная трактовка смысла фразы: когда внимание реципиента сосредотачивается на анализе того, что означает загадочная лексема «Слово» (в оригинале – на греческом койне – «Λόγος»), на выяснении значения выражения «быть у Бога»

и на обосновании причин различного порядка слов в церковнославянском языке и его переводе.

1) В древнегреческом койне, как и во многих других древних языках, была широко распространена полисемия. Лексема «Λόγος» – один из многочисленных примеров, который иллюстрирует это явление: среди значений – это и «собственно слово», и «интеллект», и «разум», и «закон всемирного развития», и «закон жизни отдельного человека», и, конечно же, «некая Высшая Сила, управляющая миром», т.е. Бог. Позднее, в раннехристианских богословских сочинениях, Логос отождествлялся с Сыном Божиим, Иисусом Христом, сошедшим на Землю для спасения человечества.

2) Выражение «быть у Бога» значит «быть с Богом, вместе с Ним, в Его недрах». Поскольку в богословии принято считать, что Бог никогда не был без Слова или Премудрости, или Силы, то, соответственно, это истолкование «расширяет» представления о Боге-Сыне, который всегда был у Бога, то есть был со-временно и со-в-местно с Отцом.

В то же время предлог «к» в выражении «быть к Богу» – это дословный, калькированный перевод на церковнославянском языке древнегреческого «πρός» (ср. перевод других предлогов с церковнославянского языка на русский: «градѣтѣ по мнѣ») (Мф. 4:19) – «идите за мной», но: «иди за мною сатаню») (Мф. 4:10) – «отойди от меня (прочь), сатана»; «ѣ ѣ ѣ ѣ (мáрка, лúкí, íωáнна)» нередко переводят как «благая (радостная) весть по Матфею (Марку, Луке, Иоанну)»).

3) По поводу порядка слов в богословской литературе всех христианских деноминаций (у православных, католиков и протестантов) выработано своё толкование, которое связано с грамматическим правилом древнегреческого языка, сводящееся к следующему: если слово употреблено без артикля, оно обозначает неопределённое нечто, когда стоит после глагола, и оно же обозначает некое вполне определённое качество, если стоит перед глаголом. На практике это означает, что окончание первой фразы Евангелия от Иоанна может означать, что Слово было неким божеством (так утверждают представители секты «Свидетели Иеговы»), или что Слово и было единым и единственным Богом (как это звучит в синодальном переводе).

Заметим также, что начало всей фразы – «В начале было Слово» – активно используется современными филологами и философами, которые трактуют его по-разному; однако многие научные интерпретации «логоцентризма» сводятся к пониманию лидирующей, главенствующей роли Слова, образ которого воспринимается как метафорическое обозначение Языка, в человеческой жизнедеятельности (ср. знаменитое выражение Мартина Хайдеггера «язык есть дом бытия»).

Таков внутренний смысл ключевых слов рассматриваемого высказывания как начала сакрального текста, его «сильной позиции», который рассматривается в специальной (богословской, вероучительной) литературе.

3. Однако для более глубокого понимания смысла начальной фразы Евангельского Пролога было бы недостаточно ограничиться ее

лингвистическим анализом и лингвокультурологическим комментарием, а также другими видами филологического изучения текста, в результате использования которых происходит только обогащение научно-профессиональной и читательской компетенции реципиента сакрального текста.

Уяснение глубинного смысла Библии в целом и данного фрагмента Евангелия в частности не сводится к одному лишь количественному приращению объема знаний, улучшению навыков и умений работы с подобным видом словесности. Ведь Библия – это не просто высокохудожественное произведение ближневосточной словесности, вошедшее в золотой фонд мировой культуры: это сакральный текст, а, как известно, интерпретация содержания книг, входящих в состав Ветхого и Нового Завета, как текстов Священного Писания значительно отличается от истолкования смыслов других текстов.

Связано это в первую очередь с тем, что в поучениях святых апостолов, пророков и учителей Церкви содержится не просто премудрость, общечеловеческие истины, но истина, которая дана Богом. Описываемые в Библии события – не просто история различных народов; это священная история человечества, история его взаимоотношений с Богом от Сотворения мира до Последнего Дня.

Наконец, Библия – это собрание книг, которые написаны с XIII в. до н.э. по II в. н.э. людьми, совершенно разными и по социальному положению, и по мировоззрению, и по настроениям своей эпохи, и по обстоятельствам личной жизни. При этом уникальность библейских текстов состоит не столько в огромном количестве изданий и переводов по сравнению с другими произведениями мировой классической литературы, сколько в их фактическом и абсолютном единстве в своей главной идее. Эта идея – спасение человека от греха, страдания и духовной смерти, осуществляемое богочеловеческой Личностью Иисуса Христа. Вся Библия – это книга о Христе (если история Ветхого Завета – это ожидание Мессии, то Новый Завет – Его приход и победа).

Идейно-тематическое своеобразие библейских книг таково, что некоторые их исследователи (преимущественно обладающие атеистическим мировоззрением: среди них – И.А. Крывелев, Я.А. Ленцман, Е.М. Ярославский и др.) усматривают в этих книгах внутренние несогласованности и противоречия, которые при более внимательном рассмотрении (нередко с помощью герменевтического истолкования) оказываются мнимыми.

Здесь же следует сказать, что христианское вероучение, как правило, предлагает два способа рассуждений о Боге: апофатический (в переводе с греческого – «отрицательный») и катафатический (по-русски – «положительный»).

Иными словами, с одной стороны, каждое высказывание в отдельности и всё христианское богословие в целом не способны передать каким-либо способом, в том числе посредством языка, всю полноту Божественного бытия. С другой стороны, в тех случаях, когда нужно как-то охарактеризовать «сферу»

Божественного, например, в миссионерских или учебно-катехизаторских целях, теологи используют «земные» характеристики, углубляя их смысл.

Соответственно, Евангелие как живая книга о Христе не может не явить опыта общения с Его Богочеловеческой Личностью, и каждый читатель способен почерпнуть из апостольского Благовестия сколько, сколько он в состоянии постичь на данный момент своего духовного состояния и развития. Отсюда следует, что глубинный смысл сакрального текста предполагает огромное количество его толкований, и чем ближе к Богу реципиент-педагог и окружающие его ученики, тем богаче и чище в духовно-нравственном отношении они сами и тем понятнее и полезнее для их духовного развития те смыслы, которые они усматривают в сакральных текстах.

Список литературы

1. Арапов, А. В. Библейская герменевтика от патристики до просвещения / А. В. Арапов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: «Гуманитарные Науки». – 2005. – № 2. – С. 75–91.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 2-ое, стереотип. – М. : «Сов. Энциклопедия», 1969. – 608 с.
3. Баканова, Е. В. Воспитательный характер библейских текстов / Е. В. Баканова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 3 – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/vospitatelnyy-harakter-bibleyskih-tekstov>, свободный. – Загл. с экрана.
4. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Новый Завет. – В 28 т. – Т. 1а: Евангелие от Матфея 1–13 ; пер. с англ., греч., лат. и сир. под ред. Манлио Симонэтти ; русское изд. под ред. Ю. Н. Варзониной. – Тверь : Герменевтика, 2007. – 432 с.
5. Варнава (Беляев), епископ. Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетики / еп. Варнава (Беляев). – В 4 т. – Т. 1. – Нижний Новгород : Издательство Братства во имя св. князя Александра Невского, 1995. – 472 с.
6. Десницкий, А. С. Введение в библейскую экзегетику / А. С. Десницкий. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2011. – 416 с.
7. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
8. Камчатнов, А. М. Русская культурно-языковая традиция перевода Евангелия, или Радостная весть о том, как свезло кротким / А. М. Камчатнов // Родная Ладога. – 2015. – № 3 (33). – С. 38–48.
9. Ковтун А. В. Актуальные проблемы интерпретации смысловой партитуры библейского текста в процессе преподавания и изучения древних языков и культур / А. В. Ковтун, Ю. Н. Варзонин, С. В. Шерстобитов // Актуальная библейстика: Международный научно-публицистический журнал. – 2011. – Вып. 1. – С. 63–81.

10. Купина Н. А. Глубинный смысл текста / Н. А. Купина // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Флинта, Наука, 2006. – С. 42–43.
11. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : «Советская энциклопедия», 1990. – 685 с.
12. Нестерова, О. Е. Теория множественности «смыслов» Священного Писания в средневековой христианской экзегетической традиции / О. Е. Нестерова // Жанры и формы в письменной культуре Средневековья. – М. : ИМЛИ РАН, 2005. – С. 23–44.
13. Солодилова И. А. Смысл художественного текста. Словесный образ как актуализатор смысла / С. А. Солодилова. – Учебное пособие для студентов III курса. – Оренбург : ГОУ ОГУ, 2004. – 153 с.

PECULIARITIES OF SEMANTIC STRUCTURE OF SACRED TEXTS

A.V. Arapov

Voronezh State University, Voronezh

A.V. Kovtun

Tver State University, Tver

The article explores specificity and variety of meanings of sacred texts. Based on synthesis of already established terminology in Bible Studies and existing linguistic theory of meaning, authors attempt to bring together scientific and religious perceptions of possibilities to interpret sacred texts.

Keywords: meaning definition, the typology of meanings, sacred texts, Bible Studies, interpretation.